

Люси Хейзел

Пережат

Новый город.
Новая жизнь.
Мои правила.
Мой код.

Но он —
непредсказуемая
переменная.

6E6F7420 746865
6E73657720 768
6C6F7465

72 69 73 20 63 6F
64 65 ed

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

TRUTH

WESTBRIDGE

7

Звезда команды.
Идеальный парень.
Идеальная ложь?

18+

ЛЮБОВЬ — ЭТО НАЙТИ СВОЙ КОД
ДАЖЕ В САМОМ СЛОЖНОМ ШИФРЕ.

Люси Хейзел

Пережат

<https://litres.ru/74006084>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ида Бернс бежит из Ирландии в Америку. От матери-алкоголички к отцу, которого почти не знает. От прошлого к гранту в Бостонском колледже. Её новая жизнь - это математика, криптография и тишина библиотек.

В кампусе она встречает Аарона Харриса - капитана баскетбольной команды, будущего психолога. Между ними вспыхивает что-то, чему трудно сопротивляться. Кажется, вот он - настоящий поворот.

Но у любой новой жизни есть обратная сторона. Иде придётся выбирать: снова сбежать, как она делала всегда, или остаться и принять всё, что принесёт этот ветер. В конце концов, математика учит: у любого уравнения есть решение. Даже если оно - не то, чего ты ждал.

«Пережат» - молодёжный роман о переменном ветре, который меняет курс. О доверии, границах и девушке, которая отказывается быть пешкой в чужой игре.

Содержание

Глава 1. Приземление	4
Глава 2. Добро пожаловать	16
Глава 3. Число 323	30
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Люси Хейзел

Пережат

Глава 1. Приземление

Я всегда думала, что люди слишком романтизируют начало новой жизни.

В фильмах героиня выходит из аэропорта, ветер красиво развеивает волосы, на фоне играет вдохновляющая музыка, а впереди её ждут приключения, любовь и успех.

В реальности меня семь часов трясло над Атлантикой, волосы выглядели так, словно проиграли драку с феном, а впереди ждали унижительный иммиграционный контроль и человек, которого я не видела почти два года.

Никакой музыки. Только турбулентность.

Самолёт резко качнуло, и где-то впереди нервно взвизгнула девушка. Я открыла один глаз, затем второй. Лампочка ремней безопасности продолжала гореть ровным оранжевым светом. Отлично. Именно так я и представляла свой триумфальный переезд в Америку.

- Не переживай, - сказала женщина рядом. - Если бы самолёт действительно падал, стюардессы выглядели бы намного грустнее.

Я посмотрела на неё. Короткие волосы, ярко-красный

шарф, и пакетик крендельков в руках. Она выглядела подозрительно спокойной для человека, находящегося в металлической трубе на высоте нескольких километров.

- Это должно меня успокоить?

- Меня успокаивает.

- Тогда я искренне за вас рада.

Она рассмеялась.

- Первый раз в Штатах?

- Нет, - ложь вылетела автоматически. - Я здесь выросла.

Женщина скептически приподняла бровь. Мой ирландский акцент только что совершил публичное самоубийство от смеха. - Конечно.

Разговор не надо было продолжать. Мы друг друга поняли. Я не любила разговаривать с незнакомцами. Особенно когда незнакомцы были дружелюбными. Это требовало ответной дружелюбности, а у меня после перелёта едва хватало сил на существование.

Я достала из рюкзака блокнот. Он выглядел так, будто пережил небольшой пожар, пару наводнений и как минимум одну школьную войну. На последней странице красовался список:

Правила новой жизни:

1) Не плакать при отце.

2) Не сообщать матери адрес. *(Иначе этот «новый старт» превратится в очередную серию её бесконечного реалити-шоу о том, как я порчу ей жизнь на расстоянии).*

3) Сохранить стипендию.

4) Не влюбляться.

Я посмотрела на четвёртый пункт, зачеркнула его, подумала и написала снова. Потом снова зачеркнула и нарисовала рядом жирный знак вопроса. Так выглядела самая успешная борьба с чувствами в моей истории.

Самолёт начал снижаться. Где-то внизу, за плотными облаками, уже дышал Бостон. Мой новый дом. От этой мысли внутри неприятно сжалось, потому что слово «дом» всегда было слишком сложным для такого короткого слова.

Америка встретила меня холодом. Не ирландским влажным туманом, который медленно просачивается под одежду и заставляет ненавидеть всё живое, а резким, колючим морозом. Воздух пах солью из залива и бензином; он словно решил лично выразить недовольство моим приездом.

Я вышла из терминала и сразу увидела табличку: **ИДА БЕРНС**. Буквы были написаны чёрным маркером так криво, что я сразу узнала почерк.

Отец. Он стоял у входа в нелепой вязаной шапке, которую, кажется, позаимствовал у скандинавского рыбака, и заметно нервничал. Я почувствовала себя странно взрослой, осознав, что он боится этой встречи не меньше меня.

Я сама подошла и обняла его. Он на секунду замер, а потом осторожно прижал меня к себе. От него пахло кофе, холодным ветром и чем-то неуловимо знакомым из детства.

- Привет, пап.

- Привет, Бриз.

У меня защипало в глазах. Бриз - так он называл меня, когда мне было шесть и я носилась по дому быстрее урагана. Я быстро моргнула. Правило номер один: не плакать. Особенно в первые пять минут.

- Ты выросла.

- Спасибо. Я старалась.

Он рассмеялся и напряжение немного отступило.

- Чемодан тяжёлый?

- Там учебники.

- Звучит страшно, - он взял ручку чемодана раньше, чем я успела возразить.

Мы выехали с парковки. За окнами потянулся Бостон: он был масштабнее, шире и выше всего, что я видела раньше. Даже дороги здесь выглядели так, будто пытались произвести впечатление на новичков.

- Я ожидала больше небоскрёбов, - призналась я.

- Это не Нью-Йорк, Ида.

- Слава богу. Никогда там не была, но интернет говорит, что там слишком шумно.

- Интернет - очень надёжный источник, - отец улыбнулся той самой улыбкой, которую я помнила по его старым передачам на местном ТВ, до того как всё развалилось.

Несколько минут мы ехали молча. Я смотрела на город.

Он был красивым, но совершенно чужим: каждый фонарь, каждый кирпичный фасад и перекресток были лишены воспоминаний. Будто кто-то нажал кнопку «начать заново», забыв выдать инструкцию.

- Страшно? - неожиданно спросил отец, не отрывая взгляда от дороги, но я заметила, как он крепче сжал руль побелевшими пальцами.

Я задумалась, глядя на свое отражение в боковом стекле. В сумерках я выглядела бледнее, чем была на самом деле.

- Немного. Ощущение, будто я прыгнула с обрыва и всё еще лечу.

- Это нормально, - кивнул он. - Хуже, если бы ты ничего не чувствовала. Это значило бы, что ты либо робот, либо у тебя совсем нет воображения.

- А тебе... - я замялась, вспоминая их с мамой развод и его внезапный отъезд. - Тебе было страшно тогда, когда ты переезжал в Ирландию?

Отец издал короткий смешок, в котором не было ни капли веселья, только честное признание.

- Ужасно. Я приземлился в Дублине с одним чемоданом и абсолютной уверенностью, что совершил величайшую ошибку в истории человечества. Ветер дул со всех сторон одновременно, а я даже не понимал, в какую сторону смотреть, чтобы перейти дорогу.

- Правда? - я повернулась к нему. Трудно было представить отца - всегда такого собранного в кадре - растерянным.

- В первый же день я умудрился потеряться три раза. При чем в районе, который можно обойти за десять минут.

- За один день? - я приподняла бровь.

- Хуже. За первые два часа. Я просто ходил кругами вокруг одного и того же паба с названием «Хромой гусь», пока бармен не вышел на крыльцо и не спросил что я ищу.

Я рассмеялась, представляя эту картину: мой папа, в своем вечном отглаженном пальто, испуганно нарезающий круги перед ирландским пабом.

- Рекорд. Определенно.

- Я тоже так считаю, - он мельком взглянул на меня, и в его глазах блеснула искра того самого азарта, который я любила в детстве. - Так что, если ты завтра потеряешься всего дважды - ты уже официально круче своего старика.

Дом оказался небольшим, с уютным крыльцом и пожелтой тыквой у двери, которая уже начала подозрительно крепиться на один бок.

- Она ещё с Хэллоуина? - я замерла перед этим оранжевым недоразумением.

- Возможно, - отец замялся, пытаюсь поудобнее перехватить мой чемодан.

- Пап, уже середина ноября. Она скоро начнет вырабатывать собственный разум и потребует гражданство.

- Я к ней привязался, - серьезно ответил он, хотя в углах его глаз собрались лукавые морщинки, - У неё есть характер.

Она стойко перенесла три шторма и одно нападение соседского лабрадора.

- Это начинает выглядеть как серьёзные отношения.

- Не осуждай меня. В моем возрасте начинаешь ценить верность, даже если она исходит от овоща.

Внутри было тепло - не только из-за отопления, а как-то по-настоящему. Дом пах старым деревом, книжной пылью и чем-то неуловимо домашним, словно стены всё это время хранили тишину специально для моего приезда.

В своей новой комнате я замерла прямо в дверях. На столе, среди девственной чистоты новой мебели, стояла фотография в простой деревянной рамке. Мне пять, мы с папой стоим у моря - я в нелепой панаме, он в мокрой футболке, оба смеемся так искренне, будто мир вокруг состоит только из солнца и соленых брызг. Мы там выглядели так, словно впереди еще ничего не сломалось. Никаких судов, никаких разделов имущества, никаких океанов между нами.

В горле снова встал комок. Мои эмоции сегодня явно работали сверхурочно, игнорируя все трудовые кодексы.

Чёрт.

- Я решил ничего не заполнять, оставил это тебе, - донёсся мягкий голос от двери. Отец стоял в коридоре, прислонившись к косяку. - Купил только самое необходимое. Надеюсь, не слишком ужасно?

Я быстро отвернулась к окну, делая вид, что изучаю вид на соседний двор, и незаметно смахнула подступившее преда-

тельство из уголка глаза. Внезапно я поймала себя на мысли, что совершенно не знаю, чем заполнить это пространство.

В Корке всё было иначе: там каждый свободный сантиметр полки занимали мамины «правила выживания» - её бесконечные счета из баров, пустые обещания «начать с понедельника» и тяжёлый, кислый запах вина, который не выветривался годами. Здесь же было слишком чисто. Моя прошлая жизнь осталась в коробках за океаном, а новая пугала своей стерильностью - в ней не было никого, кого нужно было бы спасти от самой себя.

- Нормально, - выдавила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

- «Нормально»? - он приподнял бровь. - Это значит «хорошо» или «я уже ищу билет обратно»?

- Это значит, что я ещё не придумала, к чему придраться, - я наконец обернулась и слабо улыбнулась.

Через час кухня наполнилась запахом жареного лука и пряных колбасок - запахом, который бесцеремонно вышиб дверь в мои воспоминания и пахнул чистым, концентрированным детством.

Я устроилась на высоком табурете, наблюдая за тем, как отец ведет отчаянную войну на два фронта: пытается одновременно помешивать соус, поддерживать светскую беседу и не позволить сковородке совершить побег, соскользнув с плиты. Получалось у него на троечку, но в этом хаосе было

что-то уютное.

- Так, - он ткнул лопаткой в мою сторону, - напомни еще раз. Криптография. Это ведь что-то про шпионов и поддельные паспорта?

- Почти. Объяснить так, будто тебе десять?

- Давай, не щади мои чувства.

Я подперла подбородок ладонью, глядя, как он эффектно (и совершенно зря) подбрасывает лук на сковороде.

- Представь, что ты хочешь отправить сообщение другу.

- Уже сложно. Я старый, мне легче позвонить.

- Пап, терпи. Это теоретически.

- Ладно, - он смиренно вздохнул.

- И ты не хочешь, чтобы ваше сообщение прочитал кто-то посторонний. Например, налоговая.

Отец замер, оценив масштаб трагедии.

- О, это очень актуально. Налоговая - это главный босс в этой игре.

- Именно. И тогда ты превращаешь свой текст в нечитаемую абракадабру, ключ от которой есть только у твоего друга.

- И всё? - он выглядел разочарованным. - Я думал, там будут лазеры или хотя бы черные очки.

- В очень грубом приближении - да. Остальное я опущу, потому что мы оба не хотим, чтобы у тебя закипел мозг раньше, чем дожарятся колбаски.

- Спасибо за заботу, - хмыкнул он, выключая плиту.

Когда ужин наконец оказался на столе, я поняла, что готова съесть даже самую тарелку. Картофельное пюре с комочками (фирменный стиль отца), поджаристые колбаски и густая луковая подливка. Это было просто. Это было честно. Это было так далеко от покупных сэндвичей из коркских супермаркетов, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

Я отправила в рот первую порцию и едва не застонала от удовольствия.

- Ну? - отец замер с вилкой в руке, ожидая вердикта.

- Пюре победило, - пробормотала я с набитым ртом.

- Победило что?

- Мою депрессию после перелета. И, кажется, оно только что выселило из моей головы мысли о побеге обратно в аэропорт.

- Высокая оценка, - он расплылся в довольной улыбке, будто только что получил звезду Мишлен, а не просто не сжег ужин.

Мы ели, и разговор перетекал от одной темы к другой: университет, странные требования профессоров, мой грант... Пока, наконец, между нами не повисла та самая пауза, в которую обычно проваливаются самые сокровенные страхи.

- Я ужасно боюсь всё испортить, - вырвалось у меня.

Слова прозвучали слишком громко в тихой кухне. Я тут же пожалела об этом, ожидая дежурных фраз в духе «всё будет хорошо». Но отец просто отложил вилку и серьезно кив-

нул.

- Знаешь секрет, Бриз? Все боятся.

- Неправда. Те ребята в буклете выглядят так, будто они родились с планом на ближайшие сорок лет и золотой медалью в зубах.

- Это самые опасные лжецы в мире, - мягко сказал он. -

Уверенность - это просто хорошо отрепетированная роль.

- Даже у тебя?

- Особенно у меня. В мой первый день на телевидении, за пять минут до выхода в эфир, меня так сильно тошнило от страха, что я едва успел добежать до мусорной корзины.

Я уставилась на него, забыв про колбаску.

- Ты сейчас серьезно? Великий и невозмутимый Бернс?

- Хотел бы я, чтобы это было шуткой. Но уборщик, который это видел, вряд ли со мной согласится.

- Пожалуйста, скажи, что это не было в прямом эфире.

- К счастью, нет. Но это научило меня главному: страх - это просто топливо. Главное, чтобы его не было слишком много.

Я рассмеялась так сильно, что едва не подавилась чаем, представляя папу, сражающегося с мусорным ведром. И в этот момент меня прошибло странное, почти забытое чувство.

Мне было хорошо.

Не «киношно» счастливо, не идеально, но... спокойно. Впервые за долгое время мне не нужно было проверять,

сколько пустых бутылок спрятано под раковиной, или гадать, в каком настроении я застану мать. Здесь, в этой кухне с запахом лука и нелепыми историями, я наконец-то могла просто быть восемнадцатилетней девчонкой, которая любит пюре и боится будущего.

Это ощущалось непривычно. Почти подозрительно. Но чертовски правильно.

Позже вечером я сидела на кровати среди ещё не разобранных вещей. За окном мерцали огни незнакомого района, вырисовывая контуры города, в котором мне предстояло найти себя. Внизу отец негромко гремел посудой - этот звук, такой обыденный и домашний, казался мне сейчас самой надёжной вещью во вселенной.

В Корке я засыпала под шум скандалов или звенящую, опасную тишину маминого забытья. Здесь же тишина была другой - живой и обещающей. Я вытянулась на покрывале, глядя в белый потолок. Завтра начиналась новая жизнь. И хотя отсутствие привычного хаоса пугало меня сильнее перелёта через океан, я впервые подумала, что чистота этого листа - не приговор, а шанс. Главное - не расплескать это чувство спокойствия до утра.

Глава 2. Добро пожаловать

Меня разбудил запах бекона - слишком наглый и жирный для дома, где завтрак обычно состоял из овсянки на воде и маминых жалоб на мигрень. Я замерла, вцепившись в одеяло. Свет падал под неправильным углом, а за окном вместо привычного шума ирландского дождя кто-то громко хлопнул дверцей машины и выругался на английском с резким бостонским акцентом. Америка. Точно. Я больше не в Корке.

Я закрыла глаза обратно, но снизу донёсся голос отца.

- Бриз! Если ты не спустишься через пять минут, я скормлю твой бекон мусорному баку! - донеслось снизу.

- Это шантаж! - крикнула я, понимая, что улыбаюсь вопреки желанию казаться несчастной.

- Это капитализм, детка! Успела - съела.

- Мне восемнадцать, папа! Ты не можешь меня воспитывать едой.

- О, я могу воспитывать тебя даже плохими шутками. Иди сюда!

Я застонала и спрятала лицо в подушку. Потом всё-таки встала. Комната выглядела так же пусто. Чемодан стоял возле стены, книги лежали стопкой на полу, ноутбук на тумбочке. И больше почти ничего. "Надо придумать как ее оживить и сделать своей", - подумала я.

Отец стоял у плиты в футболке с логотипом старой рок-группы и пытался изображать брейк-данс под Prodigy. Это выглядело катастрофически смешно.

- Сомнительное утро, - заметила я, прислонившись к косяку.

- Неправильный ответ. - Он щелкнул пальцами, и колонка замолчала. - В этой части света мы оптимисты до того момента, пока не увидим счет за страховку. Держи.

Я посмотрела на бекон, яйца, тосты и кружку кофе.

- Теперь значительно лучше.

- Вот видишь.

Мы ели молча. В Корке тишина была предвестником грозы. Если мама молчала, значит, она заряжала обойму из упреков, чтобы выстрелить в самый неподходящий момент. Здесь же тишина была... просто тишиной. Отец сосредоточенно жевал тост, не пытаясь считать мои калории или оценивать мой внешний вид. Это пугало и расслабляло одновременно.

- Волнуешься? - спросил он.

- Нет.

- Врёшь.

- Немного, - я отпила кофе, - Ты тоже нервничал в первый день в университете?

- Я перепутал аудитории.

- И?

- Три часа просидел на лекции по биологии.

Я моргнула.

- Ты же журналист..

- Именно.

- Как ты не заметил?

- Слишком старательно делал умное лицо.

Я рассмеялась.

- Папа!

- Что? Там были клетки. Много клеток. Все записывали.

Я тоже записывал

- И что записал?

- Ничего полезного для журналистики, - он гордо откинулся на спинку стула - Но зато выглядел очень заинтересованным. Главный секрет взрослой жизни, Бриз: уверенное лицо заменяет 50% знаний.

Я покачала головой, может быть, именно поэтому рядом с ним становилось легче. Он не пытался казаться идеальным.

- В Бостонском колледже учатся девять тысяч студентов, - сказал он. - Ты не обязана со всеми подружиться. Найди одного-двух человек, которые тебе по-настоящему интересны. Этого достаточно.

- Откуда ты знаешь?

- Я работаю на телевидении, - он усмехнулся. - Я окружён сотнями людей каждый день. Но настоящих друзей у меня - он замялся, - трое. И двое из них - операторы.

Я допила кофе, и улыбнулась.

- Тогда я поищу операторов.

Дорога от дома отца до кампуса заняла меньше получаса, но мне показалось, что мы пересекли границу другого мира. Бостон встречал серым, налитым свинцом небом и бесконечными толпами людей в тяжелых пальто. Я прижалась лбом к холодному стеклу и считала небоскрёбы, чьи верхушки прятались в тумане. В Ирландии я знала каждый треснувший кирпич на своей улице. Здесь всё было вызывающе новым, масштабным и абсолютно чужим.

Чем ближе мы подъезжали к университету, тем сильнее сжимался желудок - тугим, болезненным узлом. Это был не просто страх перед неизвестностью. Это был груз ответственности, который я сама на себя взвалила.

Один семестр. Один шанс. Один грант.

Я повторяла это про себя как мантру, как заклинание, способное удержать мой мир от распада. Если я провалюсь здесь, пути назад не будет. Вернее, путь назад - это возвращение в Корк, к маминым упрекам, а этого я допустить не могла.

Когда машина замерла возле кованых ворот кампуса, отец заглушил двигатель. Тишина в салоне мгновенно стала густой и липкой. Несколько секунд мы просто сидели, слушая, как остывает мотор.

- Ида, - негромко позвал он.

- Мм? - я не отрывала взгляда от студентов, мелькавших за окном.

- Если станет совсем паршиво если почувствуешь, что не выводишь - просто позвони. Ладно? Никаких вопросов, я просто приеду и заберу тебя.

Я коротко кивнула, стараясь, чтобы мой профиль выглядел максимально спокойным.

- Хорошо. Спасибо, пап.

Но внутри я уже выжгла эту мысль каленым железом: я не позвоню. Не потому, что между нами стояла стена недоверия - за это утро она стала чуть ниже. Просто я слишком долго училась справляться сама, чтобы сдать в первый же день. Моя независимость была единственным, что у меня осталось.

- Удачи, Бриз.

Я вышла из машины, и резкий ветер тут же хлестнул меня по лицу, заставляя запахнуть куртку плотнее. В этот момент я почувствовала себя крошечной песчинкой, брошенной в гигантский механизм. Студенты вокруг двигались в бешеном ритме: они смеялись, сталкивались плечами, обнимались и летели куда-то с таким видом, будто в их навигаторах уже проложен маршрут на десять лет вперед.

Все они выглядели так, словно Бостон принадлежал им по праву рождения. Все, кроме меня.

Кампус оказался красивее и внушительнее, чем на глянцевых рендерах с сайта университета. Остроконечные готические крыши, кирпичные стены, увитые уже пожелтевшим

плющом, и огромные окна, в которых отражалось серое бостонское небо. Если бы средневековый замок внезапно получил грант на современные технологии, он выглядел бы именно так.

Я достала телефон, пытаюсь оживить карту, но связь предательски зависла. Колесо загрузки крутилось на фоне пустого экрана, словно издеваясь.

Замечательно. Прошло всего пять минут, а я уже совершенно точно заблудилась.

Я шла по главной аллее, чувствуя себя лишним пикселем на этой идеальной картинке. Вокруг кипела жизнь: студенты в толстовках с университетским логотипом смеялись, сбивались в кучи, обсуждали вчерашние вечеринки и предстоящие тесты. У них были термокружки со сложными названиями кофе и наушники последней модели. У меня - рюкзак, в котором сиротливо лежали учебник по криптографии и завернутая в фольгу половинка бутерброда с беконом.

«Ты всегда будешь слишком другой», - прошептал внутренний голос, подозрительно похожий на мамин.

Я ускорила шаг, глядя себе под ноги, пока чей-то голос не выдернул меня из этого кокона самобичевания.

- Потерялась?

Я резко обернулась. Передо мной стояла девушка, которая выглядела как воплощение творческого хаоса: светлые, растрепанные до плеч волосы, россыпь веснушек на переносице и огромные, вызывающе зеленые глаза. На ней был вин-

тажный свитер на три размера больше, чем нужно, широкие джинсы и кеды, выдавшие лучшие времена.

- Немного, - выдавила я, поправляя лямку рюкзака.

- Отлично, - она лучезарно улыбнулась.

- Что в этом отличного?

- То, что люди, которые говорят «немного», обычно потерялись капитально. Я Райли.

Она протянула руку с таким видом, будто мы уже сто лет знакомы.

- Ида.

- Откуда акцент? - Райли прищурилась, изучая меня.

- Ирландия.

- О-о-о! - её лицо мгновенно исказилось в гримасе ужаса.

- Прости! Я уже собиралась спросить, из какой ты части Англии.

Я не выдержала и фыркнула.

- Тогда очень хорошо, что не спросила. Пока что.

Райли театрально выдохнула, прижав руку к груди.

- Кажется, мы подружимся.

Против собственной воли я улыбнулась. Через двадцать минут я знала о Райли больше, чем о некоторых людях за годы знакомства. Она говорила быстро - нет, она строчила словами как из пулемета, иногда сама забывая, с чего начала предложение. Она была похожа на циклон, который подхватил меня и понес по дорожкам кампуса.

- Это библиотека, - она махнула рукой в сторону величе-

ственного здания. - Здесь ты будешь жить перед экзаменами. Поверь, у этих стен специфический запах - смесь кофеина и отчаяния.

Мы свернули к спортивному комплексу, и атмосфера вокруг внезапно наэлектризовалась. Студенты засуетились, кто-то вскинул телефон, кто-то начал активно махать рукой. Я проследила за их взглядами: из стеклянных дверей спортзала выходила баскетбольная команда. Высокие, шумные, в одинаковых спортивных куртках - они казались хозяевами этого города.

Почти все. Кроме одного.

Он шел чуть позади остальных, словно между ним и командой была невидимая черта. В наушниках, глядя только в экран телефона. Он выглядел так, будто весь этот шум и обожание его совершенно не касались.

- О, - протянула Райли, замедляя шаг. - А вот и наши местные божества. Баскетбольная команда «Орлы». Элита кампуса.

Я же продолжала стоять и просто изучать, происходящее впереди.

- Какая содержательная реакция, Ида! Ты должна была хотя бы задержать дыхание.

- Я из Ирландии, Райли. У нас главные звезды - математики, - вдруг выпалила я и посмотрела на студентку с хитрой улыбкой.

Райли звонко рассмеялась и ткнула пальцем в сторону то-

го самого парня, что шел особняком.

- Видишь его? Блондин, с лицом «не подходи - убью». Это Аарон Харрис. Капитан. Говорят, у него контракт с Nike на горизонте.

В этот момент он, словно почувствовав взгляд, поднял голову. На секунду наши глаза встретились. Светло-голубые глаза. Лёд. Его взгляд был холодным и отстраненным - как небо в дождливый день. А потом он снова уткнулся в телефон, стерев мое существование из памяти за долю секунды. Я была для него просто частью пейзажа.

И почему-то это равнодушие показалось мне гораздо приятнее, чем любая дежурная улыбка.

- Красавчик, да? - Райли боднула меня плечом.

- Не знаю.

- Ты - единственная девушка в этом полушарии, которая сказала «не знаю», глядя на Харриса.

- Я приехала сюда ради криптографии, а не ради изучения челюстей спортсменов, - Райли покачала головой, в её глазах заплясали искорки.

- Боже, Ида. Ты еще хуже, чем я думала. Мы точно поладим.

Райли привела меня в студенческий офис - место, где магия архитектуры заканчивалась и начиналась суровая бюрократия. Внутри пахло пережаренным кофе, старым линолеумом и озоном от работающих принтеров.

За стойкой, заваленной анкетами, сидела женщина с бейджем «Джойс». Её лицо выражало высшую степень усталости, доступную человечеству. Она выдала мне тяжелую папку: документы, временный пропуск, расписание и глянецовый календарь мероприятий, который выглядел слишком жизне-радостно для ноября.

- Ты слишком тихая, - заметила Райли, когда мы вышли в коридор. Я прижала папку к груди, словно щит. - В хорошем смысле. Не пытаешься заполнить собой всё пространство и понравиться каждому встречному. Это здесь редкость.

- Я просто не умею, - ответила я, глядя на свое отражение в большом зеркале на стене. Бледная, с волосами, которые окончательно сдались бостонской влажности.

- Вот и не начинай. Это твоя суперсила.

Она устроила мне «экскурсию без прикрас». Показала столовую, где облезлые стулья помнили ещё выпускников девяностых, а воздух был пропитан запахом дешевого фритюра. Провела через студенческий центр - шумный, заваленный листовками и подозрительно липкий.

- На третьем этаже - кабинеты профессоров. Твой куратор, кажется, Лонг?

- Джеймс Лонг, - сверилась я с расписанием.

- У-у-у, - Райли сочувственно поморщилась. - Слышала, он жёсткий. Ходят слухи, что на его первой лекции половина группы плачет, а вторая - мечтает перевестись на факультет дизайна одежды.

Мы поднялись выше и заглянули через узкое окно в лабораторию криптографии. Ряды мониторов, белые доски, от пола до потолка исписанные формулами, и тишина, от которой у меня по коже побежали мурашки предвкушения.

- Ты поэтому выбрала Бостон? Из-за этого центра?

- Да, - я невольно коснулась пальцами холодного стекла, - Здесь лучшая база в стране. Если я хочу чего-то добиться в кодировании, мне нужно быть здесь.

Выражение лица Райли на секунду стало серьезным, почти взрослым.

- А я выбрала этот вуз, потому что мне дали скидку как местной и это близко к дому. У нас разные мотивации.

- Не такие уж разные, - возразила я, вспоминая список правил в своем блокноте. - Я здесь тоже из-за гранта. И если я его потеряю, то обратный билет в Корк мне выпишут быстрее, чем я успею сказать «криптоанализ».

Райли скептически приподняла бровь, окинув взглядом мои ботинки - не новые, но явно из качественной кожи.

- Да ладно тебе. Ты не выглядишь как человек, который будет питаться одним дошираком до конца семестра.

Я замялась. Это была правда. Мой отец был известным телеведущим, и его лицо до сих пор иногда мелькало в повторях вечерних шоу. Денег на моем счету было достаточно, чтобы не голодать, но в этом-то и заключалась ловушка.

- У меня есть деньги отца, - призналась я, чувствуя привычный укол вины. - Если я провалю грант и приду к отцу

просить на оплату обучения... это будет означать,- я осеклась, я еще не была готова рассказать ей о матери, - Что я просто избалованный ребенок, который не выжил в реальном мире.

Райли понимающе кивнула, и в её глазах промелькнуло уважение.

- Понятно. Война принципов. Это порой похлеще, чем пустой кошелек. Тогда держись крепче. Местные «золотые детки» не очень жалуют тех, кто считает центы в очереди за латте - неважно, из экономии или из принципа, - она вдруг осеклась, заметив кого-то в конце коридора, и быстро отвела взгляд, - Ладно, не буду портить тебе первый день сплетнями. Добро пожаловать в Бостон.

Домой я решила пойти пешком. Мне нужно было выветрить из головы запах фритюра и звонкий голос Райли. Бостонские улицы постепенно окрашивались в сумерки, и в окнах домов зажигался теплый свет. Я думала только об одном: завтра первая лекция профессора Лонга. Если слухи о нём хотя бы на четверть правдивы, завтра моя новая жизнь пройдет первую настоящую проверку на прочность.

Вечером, когда я наконец добралась до своей комнаты и обессиленно упала на кровать, не снимая обуви, завибрировал телефон. Экран высветил имя, от которого по спине пробежал холод: «Мама».

Я не взяла трубку. Просто смотрела, как мигает надпись,

пока вызов не сбросился. Через минуту пришло сообщение: «Ты долго собираешься игнорировать меня? Твой отец сказал, что ты долетела. Надеюсь, ты уже поняла, какую глупость совершила».

Я прочитала его три раза. Каждое слово жалило, как крапива. «Глупость» - для неё всё, что не вписывалось в её план моей жизни. Я удалила сообщение, чувствуя, как мелко дрожат пальцы.

Тихий стук в дверь заставил меня вздрогнуть.

- Ида? Ты как? - голос отца звучал приглушенно.-

Нормально, - я села, потирая лицо. - Нашла волонтера. Райли. Она похожа на цунами, но, кажется, добрая.

Дверь приоткрылась. Папа заглянул внутрь, и я снова увидела в его глазах ту самую вину, которую он пытался заглядеть годами.

- Это хорошо. Друзья здесь - это важно, - он помолчал, не решаясь войти, - А мать звонила?

Я не ответила, и этого было достаточно. Он тяжело вздохнул, но не стал читать нотаций. Просто подошел и оставил на тумбочке большую кружку с чаем - от неё пахло бергамотом и домом, которого у нас больше не было.

- Спокойной ночи, Ида.

Когда он ушел, я долго смотрела на потолок. Пыталась вернуться к формуле, которую не дорешала в самолете. Числа всегда были моим убежищем - они не предают, не уезжают в другую страну и не присылают ядовитых сообщений. Они

просто работают.

Но почему-то вместо алгоритмов перед глазами всплывал парень с голубыми глазами. Тот самый, у входа в кампус. Аарон Харрис. Он смотрел в экран своего телефона так, словно искал в нём ответы на вопросы, которые не решаются с помощью математики.

Завтра первый учебный день. Я должна была готовиться. Быть лучшей. Быть неуязвимой.

Вечер и учебник Стинсона, открытый на главе про симметричные алгоритмы шифрования. Числа. Только числа. Они не спрашивают, как прошел твой день. Им плевать, кто твой отец и почему ты сбежала с другого края света. В этом была их жестокость. И в этом было моё спасение.

Глава 3. Число 323

Аудитория 204 пахла старым деревом, пылью и кофеином - классический коктейль любого престижного университета. Я пришла за десять минут до начала, но амфитеатр уже был забит почти полностью. Это был плохой знак. Обычно студенты не штурмуют лекции по высшей математике, если только профессор не является либо гением, либо садистом. Судя по лицу Райли вчера, Джеймс Лонг сочетал в себе оба качества.

Я поднялась на самый верхний ряд и села у окна. Отсюда вся аудитория была как на ладони: макушки, светящиеся экраны ноутбуков и легкий гул голосов, который затихал по мере того, как минутная стрелка приближалась к двенадцати.

- Мы обречены, - раздался голос справа, - Мой брат завалил его трижды. Говорит, у Лонга вместо сердца - калькулятор.

- Оптимистично, - я открыла тетрадь. Чистый белый лист ждал первой записи.

Ровно в полдень дверь открылась. Джеймс Лонг вошел в аудиторию, и гул голосов не просто затих - он оборвался, словно кто-то перерезал провод.

Лонг не был похож на профессора из старых книг. Никакого твида с заплатками или растрепанных волос. Высокий,

идеально выбритый, с абсолютно лысой головой, которая в свете люминесцентных ламп казалась отлитой из матового камня. На нем был темно-серый костюм, сидевший так безупречно, будто его кроили по лекалам военного мундира.

Он не шел - он перемещался в пространстве с хищной, экономной грацией. Лицо Лонга, с резкими скулами и тяжелым подбородком, казалось неподвижной маской, пока он не поднял взгляд. Его глаза, пронзительные и темные, сканировали ряды студентов с точностью рентгеновского аппарата. В этом человеке чувствовалась не просто уверенность, а ледяное превосходство.

Он положил тонкий кожаный портфель на кафедру. Движения были выверены до миллиметра. Несколько секунд он просто стоял, глядя прямо перед собой, и тишина в аудитории стала такой плотной, что я почти физически ощущала давление в ушах.

- Доброе утро, - голос Лонга был тихим, но пробирал до костей. - Если вы здесь ради легких кредитов, уходите сейчас. Если вы думаете, что криптография - это весело, как в кино про хакеров, вы ошиблись зданием. Если же вы пришли сюда потому, что любите задачи, которые не хотят решаться..

Он впервые слегка улыбнулся.

- Тогда у нас есть шанс поладить.

Профессор взял мел и размашисто написал на доске одно слово: **ПРОСТОЕ**.

- Вся цифровая безопасность этого мира, ваши банков-

ские счета и секретные переписки держатся на одной странной человеческой слабости - любви к простым числам. Кто-нибудь может объяснить, почему?

В воздухе повисла пауза. Я почувствовала, как внутри привычно щелкнуло. Математика никогда не была для меня просто набором цифр. Это был порядок в хаосе. Я подняла руку.

- Имя? - Лонг прищурился.

- Ида Бернс.

- Слушаю вас, мисс Бернс.

- Потому что простые числа - это идеальный замок. Их легко перемножить, создав шифр, но почти невозможно разбить обратно, не зная секрета. Это как разбить вазу на тысячу осколков: собрать обратно - жизни не хватит.

Лонг замер. Он медленно провел мелом черту под словом, и в тишине аудитории этот звук прозвучал как выстрел.

- Разбить вазу... — он повторил это почти шепотом, и на его лице, похожем на застывшую маску, впервые промелькнуло что-то похожее на живой интерес. - Пугающе точно.

Он сделал короткую пометку в журнале. Всего одну галочку, но я почувствовала, как по затылку пробежал холодок - то ли страха, то ли азарта. Лекция понеслась в бешеном темпе. Лонг не объяснял - он вел бой. Он швырял в нас формулы, требовал мгновенных ответов и не прощал тупости. Я ловила каждое слово. Впервые за долгое время мне не нужно было притворяться «нормальной». Здесь, среди алгоритмов

шифрования, я была на своем месте.

Через сорок минут он внезапно остановился и вытер доску.

- Достаточно теории. Теперь тест на профпригодность.

Он написал всего три цифры: **323**.

- Это произведение двух простых чисел. Найдите их. У вас минута. Тот, кто ответит первым, получит иммунитет на первом коллоквиуме.

Аудитория взорвалась шорохом бумаги и стуком клавиш калькуляторов. Но я знала: калькулятор здесь - костыль.

Нужно чувствовать число. 323. Оканчивается на тройку. Не делится на 3 (сумма цифр 8). Не делится на 5. Я закрыла глаза, представляя числовую прямую. 324 - это 18 в квадрате. Значит, искомые числа должны быть где-то рядом с 18.

17 и 19?

Я подняла руку ровно в тот момент, когда на первом ряду вскинулась еще одна. Высокий парень в сером свитере.

- Мисс Бернс? - Лонг посмотрел на меня.

- Семнадцать и девятнадцать, - четко произнесла я.

- Мистер Робертс? - Профессор перевел взгляд на парня.

- Тот же ответ, - буркнул тот, даже не оборачиваясь в мою сторону.

- Забавно, - Лонг едва заметно усмехнулся. - У нас есть два человека, которые помнят формулу разности квадратов. Остальные могут продолжать мучить калькуляторы.

Я почувствовала на себе десятки взглядов. Кто-то смот-

рел с восхищением, кто-то с явным раздражением. Робертс медленно повернул голову. У него были правильные, почти модельные черты лица и взгляд человека, который привык быть самым умным в комнате. Он смерил меня холодным, оценивающим взглядом и отвернулся.

Отлично. Первый день, первая лекция - и я уже нажила себе врага в лице лучшего студента потока.

Когда прозвенел звонок, я начала быстро собирать вещи. Мне хотелось уйти раньше, чем ко мне пристанет Робертс или кто-то еще. Но когда я уже была у самой двери, голос Лонга перекрыл шум толпы:

- Мисс Бернс. Задержитесь на минуту.

Я замерла.

Когда последний студент вышел, в аудитории воцарилась тишина. Лонг методично стирал с доски остатки формул. Его движения были скупыми и точными; он не оборачивался, пока доска не стала идеально черной.

- «Разбить вазу», - произнес он, наконец подняв взгляд. Его глаза изучали меня с холодным, почти хирургическим интересом. - Нестандартный выбор слов для студента первого курса. Обычно здесь цитируют Википедию или пытаются впечатлить меня терминами, значения которых не понимают.

Я покрепче перехватила лямку рюкзака, стараясь не отводить взгляд.

- Это просто первое, что пришло в голову.

- В голову приходят те образы, которые отражают суть мышления, - Лонг медленно подошел к краю кафедры, - Вы ответили на вопрос за девять секунд. Робертс потратил одиннадцать. Это была удача, мисс Бернс? Или вы просто знали ответ заранее?

- Я не знала ответ, - честно ответила я. - Я просто увидела разность квадратов.

Лонг едва заметно прищурился. В его облике - безупречном костюме и стальном взгляде - было что-то подавляющее.

- Вы изучали криптографию самостоятельно?

- В основном да, - я почти не двигалась. - Стинсон, Шнайер... Около двадцати книг.

Лонг медленно подошел к кафедре. Вблизи он казался еще выше, а его сходство с ожившей каменной статуей только усиливалось.

- Около двадцати, - повторил он, и в его низком голосе слышался едва уловимый рокот. - Способности часто переоценивают, мисс Бернс. Но любопытство... это совсем другая материя. Оно либо есть, либо его нет.

Он взял сложенный вдвое лист бумаги и протянул его мне.

- Что это?

- Задача, - Лонг закрыл портфель. Щелчок замка прозвучал как точка в разговоре. - Если вы действительно видите структуру чисел, а не просто угадываете их, вы поймете, с чего начать. Если нет - не тратьте мое время.

- Срок? - я посмотрела на условия. Всего три строки, но от них веяло холодом неразрешимости.

- Две недели. Если решите - мы поговорим еще раз. По-настоящему.

Он кивнул, давая понять, что аудиенция окончена. Я вышла в коридор, чувствуя, как листок в руке буквально жжет кожу. Он не знал, кто я. Для него я была чистым листом с одной удачной метафорой.

И почему-то именно это делало задачу такой важной. У меня не было репутации, которую нужно защищать. У меня был только этот листок и шанс доказать, в первую очередь себе, что я здесь не по ошибке.

Когда я вышла из аудитории, Райли уже подпирала стену в коридоре, скрестив руки на груди. Она выглядела так, будто ждала сводку с места катастрофы.

- Ну? - выпалила она, едва я сделала шаг к ней. - Ты цела? Кровь, вырванные клочья волос, психологические травмы?

- Пока обходимся без жертв, - я попыталась улыбнуться, но губы всё еще были сжаты в узкую линию от напряжения.

- Лонг кричал? - Райли пристроилась рядом, когда мы пошли в сторону выхода.

- Нет. Он вообще не повышает голос. От этого только страшнее.

Райли хохотнула, задевая плечом проходящего мимо парня и даже не заметив этого.

- Тогда всё прошло идеально. Добро пожаловать в высшую лигу, Ида.

- Кажется, он дал мне задачу, - я помедлила и вытащила из кармана сложенный листок.

Райли замерла прямо посреди коридора. Она взяла бумагу двумя пальцами, словно та могла её укусить, и уставилась на мелкий, острый почерк Лонга. Пять секунд тишины. Десять. Она перевернула лист, надеясь найти там пояснительный текст или хотя бы картинку. Потом перевернула обратно.

- Ладно, - медленно произнесла она, - Скажи честно: это математика или какое-то древнее проклятие на латыни?

- Пока не уверена. Но пахнет именно проклятием.

- Слушай, - Райли вернула мне листок, глядя на меня с внезапной серьезностью. - Если через неделю ты перестанешь спать и начнешь разговаривать с числами на эльфийском, я сообщу в администрацию. Нам не нужны призраки в кампусе.

Я засмеялась, и это наконец немного сняло комок в горле. Мы вышли на улицу, где бостонский ветер тут же вцепился в воротник моей куртки.

Лист с задачей лежал в кармане, прижатый ладонью. Тяжёлый. Почти осязаемый. Словно это был не просто кусок бумаги, а ключ от двери, которую я так долго боялась открыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.